

УДК 343.131

**ФУНКЦИЯ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ СОДЕРЖАНИЯ
И ФОРМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ****Владимир Юрьевич Стельмах**

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, vlstelmah@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется содержание функции защиты в уголовном судопроизводстве и некоторые аспекты ее выражения. Поскольку функция обвинения (уголовного преследования) начинает реализовываться с момента поступления сообщения о преступлении, функция защиты потенциально присутствует даже в делах, по которым не установлены лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемого. Систематизируются субъекты осуществления функции защиты: обвиняемый (подозреваемый), адвокат, законный представитель. Адвокат, приобретая процессуальный статус защитника, оказывает квалифицированную юридическую помощь. Деятельность защитника носит публично-правовой характер, поскольку законодатель должен создать механизм, не обязывающий защитника содействовать изобличению подсудимого, но самим характером своей деятельности в уголовном процессе стимулировать органы предварительного расследования на установление лиц, реально совершивших преступление. Формулируется предложение об обязательном участии защитника в производстве по каждому уголовному делу. Выделяются признаки защиты, подтверждающие ее публично-правовую природу, в частности недопустимость параллельного адвокатского расследования, не связанного с деятельностью органа предварительного расследования, а также обязанность защитника информировать следователя об обстоятельствах, подтверждающих невиновность или меньшую виновность подзащитного, в том числе в конкретных случаях, когда соответствующие сведения могут быть получены только от обвиняемого (подозреваемого).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, публичность, состязательность, процессуальные функции, обвинение, уголовное преследование, защита, защитник

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Функция защиты в уголовном судопроизводстве: некоторые современные проблемы ее содержания и форм осуществления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 91—99.

**DEFENSE FUNCTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
SOME CURRENT PROBLEMS
OF ITS CONTENT AND IMPLEMENTATION****Vladimir Yuriyevich Stelmakh**

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, vlstelmah@mail.ru

Abstract. The article analyzes the content of the defense function in criminal proceedings and some aspects of its manifestation. Since the function of accusation (criminal prosecution) begins to be implemented since the moment of crime reporting, the defense function is potentially present even in cases where the persons to be charged have not been identified. The subjects of the defense function implementing are systematized: the accused (suspect), barrister, lawful representative. A barrister, acquiring the procedural status of a defender, provides qualified legal assistance. The defender's activity has a public-legal nature, since the legislator must design a mechanism not to oblige the defender to contribute to defendant's identification, but by the very nature of his activities in the criminal proceedings to stimulate the preliminary investigation bodies to identify the persons that have actually committed the crime. A proposal on the obligatory defender's participation in the proceedings in each criminal case is formulated. The defense characteristics proving its public-legal nature are identified, in particular, the inadmissibility of a parallel barrister's investigation unrelated to the activities of the preliminary

investigation body, as well as the duty of the defender to inform the investigator about the circumstances proving the innocence or lesser guilt of the defendant, including specific cases, when relevant information can be obtained from the accused (suspect) only.

Keywords: criminal proceedings, publicity, adversarial character, procedural functions, accusation, criminal prosecution, defense, defender

For citation: Stelmakh V. Yu. Defense function in criminal proceedings: some current problems of its content and implementation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 91—99, 2025. (In Russ.).

Уголовное судопроизводство в Российской Федерации построено по состязательному типу, что получило нормативное закрепление как в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.), так и в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). Исходя из этого, существуют три основные уголовно-процессуальные функции — обвинение (уголовное преследование), защита и разрешение дела, — реализация которых возложена законом на различных участников судопроизводства [1]. Представители обвинения и защиты являются сторонами по делу; сторон всегда две, если есть одна сторона, должна быть и другая; наличие одной стороны обуславливает существование другой. Функция разрешения дела осуществляется судом, не относящимся к сторонам, а создающим условия для реализации ими своих прав.

Следует отметить, что достаточно давно в науке появились утверждения о значительно большем количестве процессуальных функций [2—9]. Такие подходы отчасти справедливы, поскольку ряд видов уголовно-процессуальной деятельности сложно однозначно отнести к какой-либо из трех «классических» функций, однако необходимо признать, что три традиционно выделяемые функции в целом полно отражают все аспекты судопроизводства, а остальные направления вполне можно свести к частным проявлением данных функций.

В науке выказано мнение, что уголовное преследование не равнозначно обвинению, а является процессуальным порядком выдвижения обвинения [10]. Представляется, что по большому счету обвинение и уголовное преследование с точки зрения функции уголовного судопроизводства вполне можно уравнивать в значении.

Функция защиты носит вторичный характер. Она объективно не может существовать без функции обвинения. Из этого не следует, что функция защиты менее важна и играет подчиненную, обслуживающую роль относительно уголовного

преследования. Это означает только то, что движущей силой судопроизводства является уголовное преследование, а защита производна от него. Теоретически можно представить судопроизводство вообще без функции защиты или, как это было в Средние века, с возложением определенных обязанностей по защите привлекаемого к уголовной ответственности лица на следователя. В принципе уголовно-процессуальная деятельность как таковая могла бы осуществляться и при такой конструкции. Другой вопрос, что на современном этапе развития общества подобный тип судопроизводства неприемлем, поскольку он неминуемо влечет обвинительный уклон, означает игнорирование позиции лица, подвергаемого уголовному преследованию, а отсутствие у органа предварительного расследования эффективного оппонента с большой степенью вероятности приводит к принятию односторонних, необъективных, а значит, незаконных решений.

Вместе с тем без обвинения функция защиты полностью утрачивает смысл, предмет и содержание. Если никто никому не выдвигает обвинение, нет и защиты. Иными словами, если при отсутствии функции защиты уголовное судопроизводство в принципе может существовать, хотя и в крайне несовершенном виде, то отсутствие функции уголовного преследования исключает существование уголовного судопроизводства как такового.

В российской уголовно-процессуальной науке защита в уголовно-процессуальном понимании традиционно трактуется только как защита от уголовного преследования. Оказание юридической помощи потерпевшему, свидетелю, а при необходимости и иным участникам судопроизводства не рассматривается как проявление функции защиты. Нельзя считать проявлением функции защиты участие представителя адвокатской палаты при производстве следственных действий, производимых в отношении адвоката (ст. 450¹ УПК РФ), поскольку представитель адвокатского сообщества не оказывает юридической помощи адвокату,

а обеспечивает соблюдение режима адвокатской тайны.

Функция обвинения (в широком понимании термина «обвинение») начинает реализовываться сразу после поступления информации о преступном событии. Фиксация преступного характера деяния, возбуждение уголовного дела, установление причастных к нему лиц, сбор доказательств — все это проявления функции обвинения. Даже если на момент принятия сообщения о преступлении конкретные виновные лица неизвестны, функция обвинения воплощается всей деятельностью органов предварительного расследования. Следует отметить, что интерпретация функции обвинения в узком смысле, т. е. как наделение лица процессуальным статусом обвиняемого [11], оставляет безответным вопрос о том, чем является деятельность по собиранию доказательств для выдвижения обвинения.

Функция защиты, на первый взгляд, отсутствует до появления в деле подозреваемого или обвиняемого, т. е. до наделения конкретного лица данным процессуальным статусом. Действительно, функция защиты более персонализирована и связана с конкретным лицом, в отношении которого осуществляется деятельность по доказыванию его причастности к преступлению и привлечению к уголовной ответственности. Вместе с тем это не означает, что функция защиты отсутствует в тех случаях, когда по делу не имеется лиц в статусе подозреваемого или обвиняемого. В подобных ситуациях функция защиты существует потенциально, она просто до определенного момента не находит зримого воплощения в виде особенностей конкретных процессуальных действий (например, участие в них защитника) и принятия процессуальных решений.

Содержание функции защиты в общем виде — оппонирование обвинению, т. е. обоснование невиновности или меньшей виновности обвиняемого в сравнении с выдвинутым обвинением [12]. Таким образом, защита в уголовно-процессуальном понимании должна предоставляться всегда, когда существует уголовное преследование. Сущность и виды уголовного преследования — это отдельная сложная проблема, требующая самостоятельного исследования, однако необходимо отметить, что уголовное преследование нельзя сводить только к двум процессуальным формам — подозрению и обвинению. Более правильным представляется широкий подход к интерпретации сущности уголовного преследования, в рамках которого уголовным преследованием является любая

деятельность, направленная на фиксацию преступления как такового, установление причастных к совершению преступления лиц, сбор сведений, подтверждающих их виновность, и устранение процессуальных препятствий для привлечения лиц к уголовной ответственности.

Не вдаваясь в дискуссию, которая, повторимся, имеет сложный и многоаспектный характер, выскажем мнение, что отдельные элементы уголовного преследования проявляются в следующих видах деятельности:

а) доследственная проверка сообщения о преступлении [13];

б) лишение лица иммунитета от уголовного преследования (данная процедура носит двойственную — конституционную и уголовно-процессуальную — правовую природу, при этом направлена в конечном итоге на возможность принятия по делу уголовно-процессуальных решений);

в) прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, поскольку в рамках принятия этого решения фиксируется причастность определенных лиц к совершению преступного деяния;

г) производство по применению принудительных мер медицинского характера, когда можно говорить о «бессубъектном» (в уголовно-правовом понимании) уголовном преследовании, поскольку, хотя не происходит привлечения лица к уголовной ответственности, устанавливаются все обстоятельства, входящие в предмет уголовного судопроизводства: дается оценка уголовно-правовой природы совершенного деяния, разрешаются вопросы возмещения вреда потерпевшим лицам и т. п.;

д) прокурорская проверка на предмет выявления вновь открывшихся обстоятельств. Несмотря на то что судебное решение по делу вступило в силу и продолжает исполняться, в ходе данной проверки ведется процессуальная деятельность по подтверждению или опровержению факта, влияющего на признание лица виновным, т. е. направленная на реализацию назначения уголовного судопроизводства;

е) экстрадиционная прокурорская проверка в отношении находящегося в Российской Федерации лица по поступившему запросу о выдаче [14], поскольку в рамках указанной процедуры Российская Федерация, хотя сама и не осуществляет уголовное преследование, однако содействует преследованию, производимому иностранным государством.

Примечательно, что как уголовно-процессуальное, так и иное отраслевое законодательство Российской Федерации предусматривает во всех указанных процедурах участие защитника (или адвоката без присвоения ему процессуального статуса защитника, но с наделением практически аналогичными полномочиями). Функция защиты присутствует в данных ситуациях, поскольку решается вопрос о связи конкретного лица с преступлением и принимается решение, фиксирующее данный факт и предоставляющее правоприменительным органам возможность дальнейших действий по привлечению лица к уголовной ответственности.

Функция защиты характеризуется публично-правовой природой. Несмотря на то что в рамках защитной деятельности осуществляется охрана частных интересов привлекаемого к уголовной ответственности лица, реализация функции защиты направлена на решение публично-правовой задачи, поскольку назначением уголовного судопроизводства является защита прав лиц, пострадавших от преступления, и предотвращение привлечения невиновных к уголовной ответственности. Государство в лице своих правоприменительных органов (прежде всего — прокуратуры и органов предварительного расследования) обязано принять все меры по установлению лица, действительно виновного в совершении преступления, и дачи верной оценки содеянному этим лицом. Уголовное преследование невиновного подрывает авторитет государственной власти и оставляет реального виновного без ответственности, создавая таким образом все условия для совершения им новых преступлений, поэтому недопущение привлечения невиновных к уголовной ответственности (а если это произошло — максимально быстрое прекращение их уголовного преследования) — проявление функции обвинения, а не защиты, и возложена такая задача не на защитника по делу, а на органы предварительного расследования и прокуратуры. Защита призвана уравновесить обвинение на всех этапах осуществления уголовного преследования, поскольку именно такая конструкция позволяет наиболее полно установить обстоятельства совершения преступления и дать правильную квалификацию участникам события.

Можно выделить несколько признаков публичности функции защиты в уголовном судопроизводстве.

Во-первых, обеспечение защиты призвано предотвратить незаконное уголовное преследование.

Как было отмечено, это не частная, а публично-правовая задача, направленная на реализацию назначения уголовного судопроизводства. Незаконное уголовное преследование автоматически означает дискредитацию не только конкретного следственного органа, но и всей государственной власти в целом. Защита призвана стать эффективным противовесом уголовному преследованию, который своим оппонированием стимулирует орган расследования более полно и качественно собирать доказательства. Предоставление защитнику лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, является обязанностью государства, что достигается рядом закрепленных в уголовно-процессуальном законе механизмов:

а) законом предусмотрены случаи обязательного участия защитника в уголовном деле, когда отказ от защитника не может быть принят следователем, и участие защитника помимо желания обвиняемого не считается нарушением закона. В остальных случаях отказ обвиняемого (подозреваемого) также не обязателен для следователя и суда (за исключением ситуаций отказа от конкретного защитника, неудовлетворительно, по мнению обвиняемого (подозреваемого), выполняющего свои обязанности по оказанию юридической помощи);

б) участие защитника, если обвиняемый или его родственники не достигли договоренности с адвокатом, обеспечивается следователем или судом, а орган адвокатского сообщества обязан предоставить адвоката для участия в деле;

в) оплата труда защитника осуществляется за счет средств федерального бюджета и не может быть возложена на обвиняемого (за исключением случаев приглашения обвиняемым нескольких защитников, что выходит за пределы базовых гарантий обеспечения квалифицированной юридической помощи).

Во-вторых, нормативная конструкция уголовного судопроизводства должна быть выстроена таким образом, чтобы обеспечить выявление действительно виновных лиц и не допустить привлечения к уголовной ответственности невиновных.

Защитник не связан обязанностью содействовать установлению истины по делу [15] в том смысле, что он не должен способствовать изобличению своего подзащитного, если даже адвокат знает о его причастности к преступлению, и не обязан предоставлять полученные им сведения о виновности клиента в орган предварительного расследования. Прямым последствием такого законодательного подхода является запрет допроса адво-

ката, выполнявшего по делу обязанности защитника, о полученной от подзащитного информации, кроме случаев, когда о сообщении этих сведений настаивают обвиняемый и его новый защитник. Возложение на защитника обязанностей по установлению истины по делу так же, как на орган предварительного расследования, полностью нивелировало бы содержание защиты. Однако защитник своим участием, содержанием осуществляемых действий фактически способствует выявлению реальных обстоятельств совершения преступления:

а) защитник призван исключить самооговор обвиняемого, если для него очевидно, что уголовное преследование не опирается на установленные факты, а признание защищаемого им лица носит поверхностный и неконкретный характер;

б) защитник обращает внимание на недостаточность сведений, на основании которых принимаются процессуальные решения о привлечении лица к уголовной ответственности;

в) защитник заявляет ходатайства по восполнению пробелов в доказательствах, подтверждающих виновность подзащитного, когда полагает, что привлечение к уголовной ответственности не основывается на полученных доказательствах и не подтверждается ими.

В научной литературе иногда утверждается, что защитник является не противником, а «союзником» органа предварительного расследования [16]. К этому мнению примыкает позиция о сотрудничестве с расследованием как одной из форм защиты [17]. В целом с такой позицией можно согласиться, но в том смысле, что активное участие защитника, хотя и является в определенном смысле противодействием расследованию, но не носит незаконного характера, а, по сути, стимулирует качественную работу следователя, повышает уровень доказывания обстоятельств совершения преступления, что, безусловно, объективно идет расследованию на пользу, а не во вред. Переход защитника «на сторону следователя» в том понимании, что адвокат склоняет подзащитного к признанию вины без наличия доказательств, недопустим.

Защитник, осуществляя публично-правовую деятельность, не вправе использовать незаконные методы, а законодатель не может стимулировать их применение путем принятия неконкретных и допускающих различное толкование норм. Не должно разрешаться оказание воздействия на участников уголовного судопроизводства в целях побуждения их к изменению показаний, недопустимо рассматривать в качестве защиты неявку

защитника на процессуальные действия, чтобы путем их срыва затянуть сроки расследования.

В-третьих, защитник не вправе отказаться от принятой на себя защиты лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Это не означает, что обвиняемый (подозреваемый) вправе выбрать себе любого адвоката, и последний обязан только в силу желания обвиняемого (подозреваемого) принимать участие в деле в качестве защитника соответствующего лица. Речь идет о ситуациях, когда адвокат уже вступил в производство по делу, что подтверждается ордером, врученным следователю. Вместе с тем в науке высказано мнение, что невыполнение клиентом договоренностей по оплате труда адвоката может влечь односторонний отказ данного адвоката от защиты соответствующего лица [18]. Однако для таких выводов нет оснований. Необходимо учитывать, что договорной характер правоотношений, присущий заключению соглашения обвиняемого и адвоката, уступает публично-правовому характеру функции защиты, поэтому отказ адвоката от выполнения обязанностей защитника исключительно по финансовым соображениям недопустим.

В-четвертых, один защитник не вправе осуществлять по одному делу защиту нескольких обвиняемых (подозреваемых), если их интересы противоречат друг другу. Публично-правовой аспект данного правила выражается в том, что для законодателя защита каждого привлекаемого к уголовной ответственности лица важна в одинаковой степени. Если бы один адвокат осуществлял одновременно защиту лиц с разными интересами, создавалась бы высокая степень риска, что защита одного лица стала бы для адвоката более приоритетной, а сведения, полученные от второго обвиняемого (подозреваемого), использовались бы фактически против него, в интересах первого подзащитного.

Формулировка закона о противоречии интересов весьма неконкретна. В практической деятельности целесообразно в принципе исключить защиту одним адвокатом нескольких обвиняемых (подозреваемых) по одному уголовному делу, поскольку противоречие интересов может проявиться в любой по-разному оцениваемой детали. Если по каким-либо причинам один адвокат был защитником нескольких обвиняемых (подозреваемых) (в частности, до соединения нескольких дел в одно производство), он подлежит отводу, причем полностью, а не только у одного обвиняемого (подозреваемого). Продолжение адвокатом осуществления

защиты одного из привлекаемых к уголовной ответственности лиц (например, того, с кем хронологически первым достигнута договоренность) приведет к тому, что полученная от другого обвиняемого (подозреваемого) информация, в том числе высказанная в доверительном порядке, фактически будет использоваться против него, что недопустимо как с юридической, так и с морально-этической точек зрения.

Субъектами, осуществляющими защиту в уголовном судопроизводстве по делам публичного и частно-публичного обвинения, являются:

1. Лицо, привлекаемое к уголовной ответственности. Право на собственную защиту принадлежит обвиняемому (подозреваемому) имманентно в силу его правового положения и осуществляемого в отношении него уголовного преследования. Все закрепленные в ст. 46, 47 УПК РФ правомочия в своей совокупности, по сути, составляют содержание права на защиту.

Такая защита, как правило, не вполне эффективна в силу отсутствия у лица необходимых знаний и опыта. Это не означает, что необходимо лишить обвиняемого (подозреваемого) данного права, а свидетельствует об обязательности предоставления ему квалифицированной юридической помощи.

2. Адвокат, осуществляющий защиту на профессиональном уровне [19]. Это позволяет обеспечить гарантированный Конституцией Российской Федерации квалифицированный характер юридической помощи. В связи с изложенным, а также с публично-правовым содержанием функции защиты, выглядит несовершенной конструкция уголовно-процессуального закона об обязательном участии защитника. Как известно, в ст. 51 УПК РФ зафиксировано общее правило — участие защитника во всех случаях, кроме тех, когда обвиняемый (подозреваемый) отказался от этого, а также ряд конкретных ситуаций, в которых отказ от защитника не может быть принят следователем и судом. Представляется более правильным установить обязательное участие защитника по всем уголовным делам. Организационные возможности современной адвокатуры вполне позволяют осуществить такой шаг, при этом будет решена проблема непредоставления в некоторых случаях обвиняемому (подозреваемому) квалифицированной юридической помощи, которая изначально заложена действующей формулировкой уголовно-процессуального закона. Необходимо исходить из того, что участие защитника само по себе ни при каких условиях не может нарушить прав обви-

няемого (подозреваемого). Нарушить их может только некачественная защита, оказываемая конкретным адвокатом, и решить эту проблему можно заменой защитника, но не полным отказом от его участия в деле.

3. Законный представитель, деятельность которого можно охарактеризовать как «родственная защита». С одной стороны, законный представитель, как правило, не располагает достаточной компетентностью для полноценного осуществления защиты в уголовно-процессуальном понимании. С другой — законный представитель оценивает деятельность органа предварительного расследования на эмоциональном уровне, оказывая своеобразную «родственную» поддержку, и кроме того, в состоянии обратить внимание на явные, очевидные нарушения, например оказание давления на обвиняемого, предложения признать свою вину, подтвердить показания других лиц без сообщения конкретных обстоятельств совершения деяния.

По делам частного обвинения допускается участие в качестве защитника любого указанного обвиняемым лица, поскольку по данной категории дел не производится предварительное расследование и не участвует прокурор, в том числе в статусе государственного обвинителя [20; 21].

Активность защитника не следует изначально расценивать как конфликт с органом предварительного расследования [22]. Защитник вполне может придерживаться той же версии, что и следователь, если подзащитный подтверждает соответствующие факты, а у защитника, исходя из конкретной ситуации по делу, нет сомнений в возможности самоговора.

Полномочия защитника должны обеспечить эффективность реализации функции защиты, реальное оппонирование уголовному преследованию. Предоставляемые законом защитнику полномочия не могут «зеркально» дублировать полномочия следователя, поскольку защитник призван оппонировать стороне обвинения, а не производить расследование по делу в полном объеме, т. е. собирать все доказательства.

Во-первых, нет необходимости в законодательном разрешении самостоятельного адвокатского расследования, поскольку в его рамках адвокат будет неизбежно заниматься не защитой своего клиента, а изобличением другого лица в совершении преступления, что противоречит сущности функции защиты.

Во-вторых, не может на нормативном уровне закрепляться или подразумеваться противодей-

ствие расследованию, выходящее за пределы оппонирования, например выражающееся в срыве следственных действий путем неявки защитника.

В-третьих, не должно поощряться согласие защитника с признанием вины своим подзащитным без достаточных доказательств. Абсолютно несостоятельна позиция, в соответствии с которой допускается и даже поощряется «запутывание» защитником предварительного расследования путем согласования с подзащитным признания вины в деянии, которое обвиняемый на самом деле не совершал, с тем чтобы путем представления доказательств непосредственно в суде добиться оправдания обвиняемого. Действуя таким образом, защитник ставит подзащитного в крайне рискованное положение.

В-четвертых, в некоторых случаях именно защитник обязан принять меры по доказыванию некоторых обстоятельств. Имеются в виду обстоятельства неочевидного характера, не усматриваемые из собранных материалов уголовного дела, при этом подтверждающие невиновность или меньшую виновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Иными словами, из собранной совокупности доказательств те или иные обстоятельства могут в принципе не усматриваться, и следователь узнает о них только от обвиняемого (подозреваемого) (например, алиби).

Если эти обстоятельства могут подтвердить невиновность или меньшую виновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности, именно защитник должен довести соответствующую информацию до следователя и, по смыслу закона, принять меры по официальной фиксации данной информации. Это не противоречит базовым положениям презумпции невиновности, согласно которым лицо изначально считается невиновным и не обязано доказывать собственную невиновность, поскольку речь идет о факторах, которые предварительное следствие не может учесть по объективным причинам. В такой ситуации долгом защитника, прямо вытекающим из содержания осуществляемой им процессуальной функции, является сбор информации об обстоятельствах, оправдывающих подзащитного.

Вместе с тем речь не идет о полной инверсии доказывания, поскольку невозможно переложение на защитника обязанности по выявлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, и тем более по их процессуальной фиксации. Такая деятельность в любом случае остается в исключительной компетенции следователя. Защитник при этом призван сообщить о соответствующих фактах и предоставить имеющиеся у него материалы, подтверждающие реальность данных обстоятельств.

---

1. Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография. Екатеринбург: Уральск. гос. юрид. акад. 2012. 96 с.

2. Антонов И. А. Реализация следователем профилактической функции уголовно-процессуального права: проблемы правоприменительной практики // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 107—110.

3. Берова Д. М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 4. С. 225—229.

4. Жук О. Д. Система уголовно-процессуальных функций в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Закон и право. 2015. № 10. С. 15—21.

5. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции: монография. Ижевск: Детектив-Информ, 2002. 240 с.

6. Латыпов В. С. Содействие как самостоятельная и необходимая уголовно-процессуальная функция // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 4. С. 150—155.

---

1. Bozrov V. M. Bases of the theory of criminal procedure functions. General section. Monograph. Yekaterinburg: Ural State Law Academy; 2012: 96. (In Russ.).

2. Antonov I. A. Application of the preventive function in criminal procedure law by an investigator: issues of law enforcement practice. Economic security journal, 107—110, 2021. (In Russ.).

3. Berova D. M. The concept and system of functions in criminal proceedings. Society and law, 225—229, 2010. (In Russ.).

4. Zhuk O. D. System of criminal procedure functions in Russian criminal proceedings. Legality and law, 15—21, 2015. (In Russ.).

5. Zinatullin Z. Z., Zinatullin T. Z. Criminal procedure functions. Monograph. Izhevsk: Detective-Inform; 2002: 240. (In Russ.).

6. Latypov V. S. Assistance as an autonomous and essential criminal procedure function. Topical issues of state and society to provide human and civil rights and freedoms, 150—155, 2018. (In Russ.).

7. Mikhailova T. N. The formation of the concept of criminal procedure functions in Russian

7. Михайлова Т. Н. Развитие концепции уголовно-процессуальных функций в отечественной доктрине уголовного процесса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 138—149.
8. Степаненко Д. А., Лавдаренко Л. И. Является ли судебный контроль уголовно-процессуальной функцией? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 5 (24). С. 72—76.
9. Туров С. Ю. Сущность и социальная ценность возмещения причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. № 4. С. 156—159.
10. Мазюк Р. В. О значении понятия «уголовное преследование» в системе уголовно-процессуальных функций // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 1 (5). С. 158—162.
11. Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции: современные проблемы // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 1. С. 38—43.
12. Доросинская А. М. Понятие защиты как уголовно-процессуальной функции в российском уголовном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (750), № 2. С. 299—305.
13. Зайцева Е. А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщений о преступлении и их процессуальная активность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 2 (17). С. 50—53.
14. Колосович О. С. Экстрадиционное производство и обеспечение прав и законных интересов его участников: сравнительно-правовой анализ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 88—93.
15. Подольный Н. А. Истина в деятельности адвоката при осуществлении им защиты в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2010. № 1. С. 21—23.
16. Баянов А. И., Гармаев Ю. П., Назаров А. Д. Линия защиты — средство реализации позиции защиты в досудебном производстве по уголовному делу // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2022. Т. 15, № 8. С. 1194—1203.
17. Бородинова Т. Г. Сторона защиты и ее функция в судебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. Москва: Рос. акад. правосудия, 2010. 208 с.
18. Михайлова Т. Н. Развитие концепции уголовно-процессуальных функций в отечественной доктрине уголовного процесса // Известия Тульского государственного университета. Economic and legal sciences, 138—149, 2020. (In Russ.).
19. Stepanenko D. A., Lavdarenko L. I. Is judicial control a criminal procedure function? Science and education: agriculture and economics; business; law and management, 72—76, 2021. (In Russ.).
20. Turov S. Yu. The essence and social value of compensation for crime damage as a criminal procedure function. The Journal of the Udmurt University. Economics and law series, 156—159, 2012. (In Russ.).
21. Mazyuk R. V. To the issue of the "prosecution" concept in the system of criminal procedure functions. Journal of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 158—162, 2010. (In Russ.).
22. Zinatullin T. Z. Criminal procedure functions: current problems. Judiciary and criminal procedure, 38—43, 2022. (In Russ.).
23. Dorosynskaya A. M. Conception of defence as a criminal procedure function in Russian criminal procedure. Scientific notes of the Crimea Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences, 299—305, 2023. (In Russ.).
24. Zaitseva Ye. A. Criminal procedure status of participants to check crime reports and their procedural activity. Science Vector of the Togliatti State University. Legal sciences series, 50—53, 2014. (In Russ.).
25. Kolosovich O. S. Extradition procedure and providing rights and legal interests of its participants: comparative and legal analysis. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 88—93, 2023. (In Russ.).
26. Podolnii N. A. The truth in a barrister's activity when defending in the criminal proceedings. Barrister's practice, 21—23, 2010. (In Russ.).
27. Bayanov A. I., Garmayev Yu. P., Nazarov A. D. Line of defence as a means of stating the defence position in pre-trial criminal proceedings. Journal of the Siberian Federal University. Humanities series, 1194—1203, 2022. (In Russ.).
28. Borodinova T. G. The defence party and its function in the criminal proceedings stages of the trial. Monograph. Moscow: Russian Academy of Justice; 2010: 208. (In Russ.).
29. Rudich V. V. Ban for a barrister to refuse to defend stated by Part 7 Art. 49 of the Criminal Procedure Court of the Russian Federation: law enforcement issues. Juridical journal of Samara university, 104—116, 2020. (In Russ.).
30. Khoriyakov S. N. The balance of prosecution and defence in Russian criminal proceedings.

18. Рудич В. В. Запрет на отказ адвоката от принятой на себя защиты, установленный ч. 7 ст. 49 УПК РФ: проблемы правоприменения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 6 (3). С. 104—116.

19. Хорьяков С. Н. Соотношение обвинения и защиты в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2 (24). С. 126—130.

20. Титов П. М. Некоторые проблемы законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 62—64.

21. Титов П. М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российский юридический журнал. 2019. № 4 (127). С. 69—77.

22. Левченко О. В., Марина Е. А. Теоретические проблемы тактики защиты при реализации принципа состязательности сторон по уголовному делу // Закон и право. 2022. № 4. С. 155—159.

Journal of the Investigative Committee Academy of the Russian Federation, 126—130, 2020. (In Russ.).

20. Titov P. M. Some issues of legislative regulation in criminal proceedings in cases of private accusation. Russian justice, 62—64, 2019. (In Russ.).

21. Titov P. M. Some issues of criminal proceedings in cases of private accusation. Russian legal journal, 69—77, 2019. (In Russ.).

22. Levchenko O. V., Marina Ye. A. Theoretical issues of the defence tactics when applying the adversarial principle in a criminal case. Legality and law, 155—159, 2022. (In Russ.).

Стельмах Владимир Юрьевич,

профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева,
доктор юридических наук, доцент;
vlstelmah@mail.ru

Stelmakh Vladimir Yuriyevich,

professor at the department of judicial activity and criminal procedure named after P. M. Davydov of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
doctor of juridical sciences, docent;
vlstelmah@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.07.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 15.07.2025; approved after reviewing 23.07.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *